

К.С. Романова

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ОСВОЕНИЯ ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ В ТРАВЕЛОГЕ

Романова
Кира Степановна

кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ

«Жизнь во время путешествий это мечта в чистом виде»

Агата Кристи

Одним из путей регулирования индивидуальности бытия человека является его пространственная активность, желание изменять свое территориальное существование. Одним из позитивных последствий глобализации является, с одной стороны, «сжатие» пространства планеты Земля до глобуса, а, с другой стороны, наличие технических средств, позволяющих человеку достигать любой точки планеты за определенное время. Нельзя не согласиться с Горобовой А., которая заметила: «Теперь я знаю, поездки по свету – это, прежде всего раздумья. Мир вдруг начинает вращаться, как гигантский оживший глобус...». Пространство для обычного человека (обывателя), как правило, одномерно – это только расстояние от точки до точки, которое нужно поскорее преодолеть с помощью определенного вида транспорта. Мы забываем даже о трехмерности пространства. Однако в мире существуют множество культур от традиционной до постиндустриальной. Любое передвижение в пространстве, любое нахождение в нем, для людей разной культуры наполнены своей грамматикой, своей символикой, своим осмыслением. Как отмечает А.В. Головнев, что в пространстве человека традиционной культуры «может быть не два, не три, не пять, а множество измерений, соответствующих той или иной грани касания человека и мира».

Л.М. Бахтин известный русский исследователь говорил: «Человек – прежде всего слово, а потом уже все остальное. Слово – инструмент осуществления человека, оно обеспечивает его жизненной энергией. ... Идея начинает жить, т.е. формироваться, развиваться, находить и обновлять свое словесное выражение, порождать новые идеи, только вступая в существенные диалогические отношения с другими чужими идеями». В другом месте М. Бахтин отмечает, что понимание в общении по своей сути тоже взаимозависимо. «Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект... При понимании – два сознания, два субъекта», поэтому понимание по сути своей «диалогично». Такую же точку зрения высказывает и В.С. Горский: «Понимание является характеристикой определенного результата, достигаемого в процесс общения»/ «...Диалог – столкновение разных умов, разных истин, несходных культурных позиций, составляющих единый ум, единую истину и общую культуру».

В диалоге каждая мысль (послание) рассчитана на интерпретацию собеседником и возвращение в таком обогащенном, интерпретированном виде для дальнейшего контакта с партнером. Как писал М.С. Каган: «В действительной речевой жизни всякое конкретное понимание активно: оно приобщает понимание своему предметно-экспрессивному кругозору и неразрывно слито с ответом, с мотивированным возражением – согласиём. В известном смысле примат принадлежит именно ответу, как началу активному... Понимание созревает лишь в ответе. Понимание и ответ диалектически слиты и взаимообуславливают друг друга, одно без другого невозможно... При этом происходит взаимодействие разных контекстов, разных точек зрения, разных кругозоров, разных экспрессивно акцентных систем, разных социальных «языков».

Язык – знаковая система (система слов), посредством которой осуществляется человеческое общение на самых разных уровнях. Язык тесно связан с сознанием, является его смысловым организующим каркасом. Язык выступает как ха-

рактика мышления отдельного человека, но и как способ хранения и передачи информации от одного человека к другому, от поколения к поколению. Сознание одного человека становится действительным, понятным для другого через речевые высказывания, текст, через некоторую словесную коммуникацию. Даже когда люди говорят на одном языке, то в любой речи можно выделить несколько уровней: текст, контекст и подтекст, которые, с одной стороны, способствуют пониманию друг друга, а, с другой, – усложняют его.

В условиях травелога, когда люди сталкиваются с чужой культурой, чужим языком, и даже, если есть какой-то третий общий язык общения, то базы для его развития различны. Поэтому, к примеру, бытовой английский язык русского отличается от английского языка японца или китайца, если речь не идет о профессионалах лингвистах. Поэтому диалог представителей разных культур посредством языка третьей культуры не всегда оканчивается пониманием. Как отмечает В.М. Русаков: «Дискурс по современным представлениям в своей структуре содержит следующие элементы: различные способы семиоза (означивания пространства и времени, вещно-предметного мира, смыслопорождения и работы со смыслами и различных смысложизненных ориентации); мир знаково-символических форм, в котором воплощается и таким образом продуцируется семиосфера; семиотические машины (социально-исторически выработанные институты, организации и учреждения, традиции и обычаи, продуцирующие и воспроизводящие семиосферу. Дискурс травелога по необходимости содержит все эти компоненты с тем важным дополнением, что в каждый исторический момент мы находим некоторое множество конкурирующих между собой дискурсов, каждый из которых претендует на исключительное право радикального переозначивания символического пространства данной культуры». В таких ситуациях следует отметить роль внесловесных форм общения. Это, прежде всего, эмоциональные оттенки речи, жестикуляция, позволяющая участникам общения распознать, угадать нечто стоящее за словом, выражающее эмоции. Это определенные чувства и установки. Однако не все жесты универсальны, один и тот же жест в разных культурах может быть истолкован по-разному. Мы в знак согласия киваем головой, не соглашаясь – качаем ею из стороны в сторону,

что не мешает, к примеру, народам Болгарии поступать в этих ситуациях противоположным образом. Кроме того, для различных народов само значение жестикуляции далеко неодинаково. Общаясь, итальянцы в течение часа прибегают к ней в среднем около 80 раз, французы – 20, а финны – только 1-2. Более частую жестикуляцию жители Финляндии, естественно, склонны считать признаком несдержанности. Поэтому использовать невербальные знаки нужно только в контексте общения, но при этом они работают и дают дополнительную информацию.

Средства коммуникаций в непосредственном общении подразделяются на лингвистические, паралингвистические и экстралингвистические. Вторые – это все невербальные средства, как звуковые, так и незвуковые, (например, графические схемы, карты, чертежи или рисунки). Третьи – средства, употребление которых выходит за границы непосредственного контакта индивидов (например, стиль одежды, выразительные средства жеста, мимики, интонации и др.).

Несомненно, верным представляется утверждение Т. Шибутани, что «основной аналитической единицей для изучения межличностных отношений является чувство», так как именно оно отражает то, что «один человек значит для другого»; человеческие чувства основаны на эмпатии, то есть способности «сочувственной идентификации с другой персоной»; когда же эмпатия отсутствует, «даже человеческие существа рассматриваются как физические объекты».

К невербальным (внесловесным) способам коммуникации относится и непосредственное действие как наглядный образец. Самые элементарные способы обращения с предметами (к примеру, работа крана, душа, чайника и др.) гораздо легче показать, нежели объяснить при помощи слов. Огромная роль внесловесной межличностной коммуникации характерна для выразительных средств искусства, ибо музыка, песня, танец передают нечто такое, что полностью словами не формулируется. В них, как бы приоткрывается душа, проявляется эмоционально-чувственный уровень коммуникации, характеризующий настроение, порывы, аффекты и т.д. Так Русакова О.Ф. ярко и образно описывает ситуацию путешествия на электричке из Харбина в Чаньчунь: «Садясь в обычную электричку, мы не подозревали, что именно в ней произойдет

самый яркий эпизод нашего травелога. Поначалу атмосфера электрички раздражала своей скученностью, отсутствием минимального жизненного пространства, наличием большого количества тел и вещей. Некуда было вытянуть ноги, положить книгу. Плотное окружение людьми китайской наружности, которые из-за жары и духоты, были раздеты до пояса, раздражало и внушало инстинктивное желание выпрыгнуть из вагона на свежий воздух. Чтобы не будить в себе зверя, решила попытаться заснуть. Постепенно погружаясь в желанное сонливое состояние, вдруг уловила некоторое осязаемое изменение в атмосфере вагона. Песни, которые распевали все громче и энергичнее наши русские девушки, производили удивительный эффект: публика в вагоне заинтересовалась, стала подтягиваться к нам поближе, прислушиваясь к русским мелодиям. Какие-то забытые архетипические образы из времен советско-китайской дружбы стали проступать на лицах китайцев. У молодых ребят и девушек, которые знали о тех временах только из рассказов старших товарищей, на лицах показалось выражение радостного удивления и возбуждения. Мы не знали их языка, они не знали нашего. Но какая-то нить симпатии между нами уже протянулась... И тут электричку прорвало... Началось нечто похожее на песенное состязание. ...Когда я оглянулась, то чуть не вскрикнула от удивления: вагон до самого потолка был набит китайцами. Многие подтянулись из соседних вагонов. Люди как гроздь свисали со спинок сидений и с полок для багажа. Это надо было видеть. Это надо было чувствовать. Эйфория была полной. Хотелось что-то совершить доброе и символически приятное для наших попутчиков, с которыми мы так здорово спелись во всех смыслах... Когда поезд подошел к вокзалу города Чаньчунь, наши встречающие были очень удивлены увиденным и услышанным: при выходе из вагона нас сопровождала мелодия «Подмосковные вечера», которую исполняли с особой проникновенной нежностью пассажиры нескольких вагонов, в которых ехали китайские товарищи. Нас же переполняло чувство радости от того, что Китай открылся нам со своей психологической стороны. Мы поняли, что китайцы могут быть по-детски искренними и вполне открытыми к межкультурному общению». Музыкальная модель общения, как отмечал М.С. Каган, выявляет возможность быть не только диалогом в буквальном

смысле этого слова, то есть собеседование двоих, но и полилогом, то есть взаимодействием многих партнеров, соучастников единого практического, идеологического, художественного или игрового действия. Именно музыкальный ансамбль, хор моделирует именно полилогичность реального человеческого общения.

Философское исследование человека сегодня призвано обратиться к тем сторонам его природы и жизнедеятельности, которые характеризуют человека в качестве создающего объективные социальные и культурные формы общения не только и не столько на вербальном уровне, сколько на всем богатстве человеческой природы. Так, например, западный философ антрополог А. Гелен показывает, что в отличие от животных, которые морфологически жестко привязаны к условиям природного существования «человек в отличие от животного не замкнут окружающей его средой, не привязан к ней прочно и не подвижно и поэтому открыт миру». Человек в силу специфической его биологической организации, интеллектуальных и духовных способностей в своем отношении к внешней среде, в своей деятельности движим объективной сущностью самого бытия, всего комплекса восприятия и представлений поднятых до предметности.

Человек, как и сама культура, отмечает В.М. Межуев : «как бы постоянно выходит за пределы любой натурально существующей данности, любого естественного или социального образования, любой предметно очерченной области действительности». Три четверти информации мы передаем друг другу без помощи слов. А с помощью нашей интуиции мы воспринимаем невербалику и расшифровываем ее.

Чувственная природная основа у людей одинакова, но образы, рождаемые в процессе отражения, в том числе определяются предшествующим опытом. На этой основе формируются мироощущение и миропонимание. Опыт каждого может подтвердить, что чем приятнее людям общаться с вами, тем больше они будут доверять вам и тем выше будет ваш шанс удачно разрешить любую проблему при общении. Самый простой способ вступить в контакт, даже с незнакомым человеком – это улыбнуться ему. Улыбка – это выраженное мимикой действие, которое означает: «Я к вам хорошо отношусь, мне приятно быть с вами». Иными словами улыбка

является завуалированным комплиментом. Секрет улыбки заключается в том, что она в качестве действия более выразительна, чем слова, и верят больше именно действиям. Дружеское расположение рождает (по принципу: подобное рождает подобное) ответное такое приветливое и доверительное расположение. Павел Симонов, видный советский физиолог и психолог в монографии «Эмоции» предложил формулу, по которой можно вычислять творческий потенциал личности, и связана она с длиной дуги ассоциативного ряда, которая измеряется расстоянием от отражаемого объекта и его ассоциативного образа. Однако не менее важным в процессе отражения действительности, в том числе и во время общения является установка (психологическое понятие, обозначающее внутреннюю готовность к действию). Отсюда даже в травелоге человек видит то, что он хотел увидеть, слышит то, что он хотел услышать, и воспринимает образ страны таковым, на который у него была уже сформирована установка. И пройдет не мало времени пока трансформируются полученные образы в адекватную целостную картину конкретного травелога.

Литература:

- Горобова А.А. С двух сторон пустыня. М. «Советский писатель» 1970 г. С.47. « Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург. УрО РАН. 1995 г С.197. ^ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев.1994. С.291. С.294-295.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1979, С.290.
- Горский В.С. Историко-философское истолкование текста/ Киев 1981, С.52.
- Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978, С. 137.
- Каган М.С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений./ М. Политиздат, 1988. С. 151-152.
- Русаков В.М. Тексты, интертексты и гипертексты в дискурсе травелога // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию студенческой революции 1968 г и корифеям Франкфуртской школы Том 1 .-Екатеринбург. Издательский Дом «Дискурс-Пи». 2008г. С. 177-178. * См. Колшанский Г.В. М.1974 г Шибутани Т. Социальная психология. М. 1969. С.271- 273.
- Русакова О.Ф. Дегустация Китая или дискурс квантового нарратива //Дискурс травелога. Сб. статей. Авт.-сост.: О.Ф.Русакова. В.М.Русаков. Екатеринбург, ИМС - Издательский дом «Дискурс-ПИ», Уральский финансово-юридический институт.2009.с. 18-19.
- Каган М.С. Там же. С. 153-154.
- Ghelen A. Der Mensch. Seine Natur und sseine Stellung in der Welt. Berlin 1940.8.10.
- Межуев В.М. Культура как философская проблема //Вопросы философии. 1982 .№ 10. С.51.

В.М. Русаков

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ (КОНЦЕПТЫ) В ДИСКУРСЕ ТРАВЕЛОГА

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культуры Института международных связей, г. Екатеринбург

1. Жанры травелога являются сколь древними, столь же разнообразными: описания дальних стран и странствия души в поисках сущностей и смыслов, отчеты экспедиций и дневники завоеваний и походов, путеводители и справочники, карты и лоции... Однако в этом причудливом многообразии

есть некоторое единство: оно пронизано рядом мифологем или архетипических категорий, таких как Путь, Путник, Гость, Приключение, Мост, Древко Познания и др.

2. Понятия «архетипической категории» или «мифологемы» на данном этапе исследования нуждаются в предварительном определении. Речь идет о том, что структурно-семантический анализ разнообразных продуктов травелога сталкивается с известными методологическими сложностями и не может быть признан устоявшимся с точки зрения его понятийно-категориального аппарата. Впервые, пожалуй, методологически отчетливое внимание этой проблеме уделила О.М.Фрейденоберг в своей известной работе «Образ и понятие» ((1945-1954) в кн.: О.М.Фрейденоберг. Миф и литература Древности.М., 1978). Говоря об отличии античной метафоры от современной, она подчеркивает: «под античным перенесением обязательно долж-